

ДВЕ ЖИЗНИ «РАЗБОЙНИКА» ЖЕНЬКИ

Михаил ВОСТРИКОВ

г. Санкт-Петербург

ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ

«Разбойником» Женьку ещё в раннем детстве любя нарёк его старший брат Миша, восемь лет разницы. И ведь было за что...

Как-то же он смог в шесть лет дотянуться до потолка и нацарапать отвёрткой матерное слово из трёх букв на крышке электромонтажной коробки. Читать ещё толком не умел, а то слово уже знал. Почему эта коробка находилась на потолке, а не на стене, где ей было и положено быть, то загадка хрущевского домостроения! А родители вверх и не смотрели, только брат Миша это слово и увидел. Но не заложил, а заставил расцарапать крышку сплюшняком.

Погода на дворе стояла хорошая, жизнь у народа была ровная, сытая, и главным сокровищем маленького Женьки был американский красный трактор на четырех плоских батарейках. Где его, такой великолепный и в большой красочной коробке, в начале 70-х добыл батин кореш ещё по срочной службе в Совгавани добрый дядя «Председатель» и подарил Женьке на день рождения, неведомо. Но трактор блестел, поршни его прозрачного двигателя шевелились, он умел разворачиваться на месте, ездить туда-сюда и гудел как паровоз.

«Председателем» этого дядю прозвали, потому что он действительно был председателем крупнейшего в городе садоводческого кооператива «Здоровье» с более чем полутора тысячами мелких участков. Он был из юнг, во время войны пацаном попал на боевой корабль Тихоокеанского флота и имел медаль «За победу над Японией». Потом он служил срочную, за побивание придурка-мичмана отбыл три года в дисбате, а после попал в персостав флотского экипажа в Совгавани. Там они с батей, где тот обретался старшиной, и скорешились, как оказалось, на всю жизнь.

В узких кругах городского милицкого начальства и криминалитета Председатель был хорошо известен и на всю местную шпану клал с прибором. Они ему

деньги носили за возможность воровать в городе. Но об этом, тс-с-с! Вокруг него сбились в группу человек двадцать, таких же, как он, фронтовиков и бывших штрафников, а это ой-й какая сила! Но не чисто криминальная... хотя как посмотреть.

Когда после смерти Сталина в город хлынули толпы амнистированных уголовников, именно фронтовики Председателя вместе с милицией устроили им та-а-акой геноцид... Нет бандита, нет проблемы.

Тогда на танцы в Кривощёковский рабочий клуб блатные ходили с финками за подвёрнутыми голенищами сапог. По моде, с напущенными на них штанинами. А у бойцов Председателя там же, за голенищами, были пистолеты. Эхо войны!

Трогать красный трактор никому было нельзя категорически! Можно было только смотреть, да и то с разрешения маленького хозяина, когда он был добрый. Иногда Женька ненадолго выносил свою дарёную прелесть во двор. Пацаны и взрослые цокали языками, но прикасаться к трактору никому не разрешалось, и его быстро уносили назад.

В первом классе всё тот же Председатель подарил своему любимчику Женьке брутальные многофункциональные водонепроницаемые ручные часы со светящимися цифирками. И если раньше Женька хоть и ненадолго, но выносил трактор на выгул во двор, то сейчас всё! В новых часах он вообще на улицу не выходил, а показывал их своим друзьям только дома. По десять раз на дню мелкие топили те часы в банке с водой, засекали время и ещё неумело, но цокали языками.

Женька родился и вырос в «Яме». Сюда, в наспех построенные ряды жилых панельных пятиэтажных коробок, в середине 60-х буквально пинками переселяли своеобразных жителей самых бандитских и уже идущих под ножи бульдозеров древних жутких халуп в Нахаловке, на Перевалке, «Рыжем» квартале, Восточном поселке, Матвеевке и иже с ними. Много было тогда в городе мест, куда таксисты отказывались ехать.

Экология в «Яме» была тогда строго со знаком «минус». Дома там уже были, а дорог к ним не было. Вернее, были две разбитых, одна на завод, а другая в зону ИТК №5 — «Пятку». И открытые военные гусеничные амфибии, набитые пьяными и орущими новосёлами с их тряпьем, балалайками и тараканами, споро спускались к подъездам новых домов прямо по крутым склонам огромной природной низменности (потому и «Яма»!). Видимо, эвакуация населения была объявлена какая-то, что ли...

И в «Яме» было несколько заводских домов. На этом заводе батя и получил свою «двушку-хрущёвку», а заодно и онкологию почек на вредном производстве, в итоге забравшую его в лучший мир.

Старожилы «Ямы» ещё помнят хождения молодёжи по выходным на кровавые месива — «стенка на стенку» с «кирзаводскими», перевёрнутые милицейские «канарейки» и толпы уличных бойцов в зимних стёганных штанах, шапках и фуфайках. Летом! А чтобы защитить тело и голову от ударов обрезками арматуры.

А кругом носились вездесущие пацаны на мопедах с настоящими человеческими черепами на руле, бр-р-р. Это строители случайно раскопали старинное неучтённое кладбище начала века.

«Сибирская язва здесь тогда лютовала», — шептались жители.

Думаете, остановили стройку? Нет, конечно. Дворничиху увезли в больницу с инфарктом, потому что какой-то малолетний придурок надел человеческий череп на выключатель в подвале. Женщина хотела включить свет, что-то ей мешало, сняла это и включила свет. Хорошо, её сразу нашли и вызвали скорую.

На огромных и ещё не освоенных пространствах «Ямы» в зарослях двухметровых репейников, лебеды и полыни пацаны строили шалаши и ловили силками зайцев. Также ловили самодельными «двуххлопками» и певчих птиц — щеглов, чечёток, зябликов, овсянок, гаичек и дубоносов. Зайцев обдирали, варили и ели, а их шкуры и птиц продавали на Птичьем рынке, что был в Западном посёлке.

Женька помнил жигана в наколках, который в подвале дома толковал им, сопливым пацанятам, понятия воровского хода. Сидели, слушали, он же с зоны откинулся. А потом встали и поехали на электричке в соседний научный городок воровать велосипеды. Они там у учёных были основным видом транспорта и стояли где попало без всякой охраны.

Младшие воровали, а старшие разбирали на запчасти и продавали. На третий раз их всех поймали в электричке, вместе с тремя ворованными велосипедами. Женьку, как самого младшего, в отделении милиции не били, а просто отдали насмерть перепуганным родителям. А кто был постарше, по суду отправился в зону, на малолетку. Потом они оттуда вернулись, уже наблатыканными, и все вместе стали ходить на «пушнину». Вечером в день получки грабили пьяных работяг, забирая у них кошельки и меховые шапки. И попробуй не пойдешь... Вмиг прослынешь

«подментованным» со всеми вытекающими последствиями.

Не сказать, что все пацаны в «Яме» стали записными ворами и бандитами, были и приличные люди. Но вероятности были очень высокими! И судьбы какие-то одинаково тусклые. Тот умер, тот спился, того зарезали...

А «разбойнику» Женьке просто повезло, если можно так сказать, он просто начал пить. Ну а кому из блатных нужен подельник — выпивоха? Такого даже на шухер не поставишь... Да и не стремился Женька к криминалу, и бандитом он так и не стал, не совсем конченный был. Ещё и книжки читал да музыку слушал, когда был трезвый.

В общем, «милое» местечко было этот жилмассив «Яма». Сейчас там и близко такого нет, тихий зелёный район. Только вот ребятня из дворов куда-то подевалась, вот и тихо. Но сейчас так везде, ибо гаджеты!

Женька был с некоторыми задатками лидера, которые в нём, видимо, и почувствовал Председатель. Но лидером он не стал. Вернее, перестал им быть. В шестом классе бросил свою перспективную по тем временам и многообещающую должность председателя совета пионерской дружины школы... И как отрезало, стал плохим — прогульщиком и двоечником. Почему? Да чёрт его знает, стал.

А когда подросток, началась водка. Почему не наркотики? Пробовал и наркотики, не понравилось. А водка ему нравилась, она придавала сил и веселья. А похмельем Женька никогда не страдал.

Ох и намучилась с ним тогда мама Аня, но кое-как допинала его до аттестата зрелости через вечернюю школу, самому ему это было не нужно. Так до самой своей смерти и ходила за ним, котлетками кормила. Все понимала, а ходила:

— Ну он же мой сын...

Причем здоровье у Женьки всегда было лошадиное, несмотря на многолетнюю и перманентную пьянку.

Он как-то ненадолго протрезвел и решил начать новую жизнь. Купил путевку в недельное конное путешествие по горам. А там потребовали медицинскую справку, и он пошел за ней в поликлинику. Выяснилось, что все показатели в норме! Только верхнее давление немного высокова-то, 130. Всё приставал:

— А это не опасно?!

Воистину говорят, Господь любит и хранит дураков и пьяниц. И как-то так случилось, что все свои азартные игры с Судьбой Женька выигрывал при абсолютном нуле на своём счете. Кредиты

брал он, а отдавали их родные, чтобы его не посадили. Нормально же?!

Призванный на срочную службу в стройбат на Байконуре, а при СССР там был тот ещё интернационал, не для нормальных людей — сплошь отбросы и уголовники, он, никогда в жизни кисточку в руках не державший, взял и вышел из строя на вопрос-предложение начальника клуба части:

— Художники есть?! Шаг вперед!

И два года прокайфовал в тёплой художке, под журчание телевизора смешивая краски и натягивая холсты второму вышедшему из строя — настоящему художнику, пока остальные его сослуживцы чего-то строили на лютном казахском морозе. Ещё и ефрейтора дали на дембель.

Так Женькой, и даже не Евгением, он и прожил всю свою жизнь только для себя и алкоголя с куревом. Из института, куда его по знакомству устроил брат, его отчислили за непосещаемость. Потерял две семьи с детьми. По пьянке прогадил хорошую работу, на которую тоже попал по братовой протекции. И больше брат ему не помогал, обиделся, наговорил Женька ему тогда всяких гадостей вместо слов благодарности. Просто перестал с ним общаться, вычеркнул из жизни.

Родители умерли, оставив в наследство Женьке квартиру — хрущёвскую двушку-«распашонку» с исцарапанной в детстве крышкой распределительной коробки на потолке. Квартирка и выручала. Всегда находились желающие пожить во второй комнате. Они Женьку кормили и наливали ему в счёт аренды. Правда, один раз по пьянке воткнули ему в спину ножик, но не сильно, выжил.

И вот, напрочь запутавшись в отношениях с бывшими жёнами, детьми, долгами за коммуналку и не погашенными вовремя кредитами, которые уже за него никто не гасил, Женька пошёл в военкомат и записался на СВО. Штурмовиком с позывным «Художник»! Ну а с каким ещё?

Что им при этом двигало? Жажда подвига во имя Отечества? Увы, нет. Алчность? Лишь отчасти. Да всё просто — возможность хоть как-то изменить свою никчемную жизнь или уже погибнуть, умереть, что было равносильно той жизни, которой он жил и за которую после того ножика в спину уже не держался.

Позвонил Женька сыну Юре, попрощался, отдал ему ключи от напрочь загаженной квартиры и через неделю уже был в Донецке на учебном полигоне, где провёл месяц в постоянной беготне и тренировках. Ох-х, хороший похмельятор этот полигон с его «сухим законом». Через неделю Женька уже и не вспоминал о водке, да и курево

беготне не способствовало и резко уменьшилось в употреблении.

Провоевал Женька недолго, говорить не о чем. В первом же бою попал под прилёт! Какая-то жужжащая летучая тварь скинула с неба рядом с ним мину. И всё... Темнота!

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Когда Женьку уже тащили из донецкого морга на площадку подготовки к отправке домой в цинковом гробу, он тихо застонал. Как-то не так развернулся в его груди осколок той мины. Не убил он его до конца. Видимо, помешал этому осколку Женькин хиленький нательный крестик, весь теперь как пожёванный, но буквально на чуть-чуть сместивший траекторию его полёта.

И поклон до земли тому русскому божедому, вечно пьяному санитару, который тот стон услышал и передал Женьку врачам. Они такие, эти русские божедомы, громкий крик не услышат, ибо всегда пьяны, а тихий шелест воздуха из груди вдруг ожившего бойца, пожалуйста.

Бог Женьку спас, кто же ещё?! Правда, потом ему рассказывали про какого-то совершенно безбашенного мотоциклиста медвзвода, который вывез его с поля боя на своём грязном по уши мотоцикле с площадкой вместо люльки, как заяц, петляя между кочками на огромной скорости. Но кто это был и где его искать?

— Этот 200-й, зря старался, — устало вытирая лоб, сказал мотоциклисту военврач на точке эвакуации в «жёлтой» зоне.

Но в итоге чудом получилось, что «этот» оказался 300-м! Сильно тогда Женьку побил осколками, но живой, и это главное.

Затем полгода в госпитале на другом конце страны. Лечение, уход — всё было на уровне. Только вот не сообщали Женьке, что и когда собираются с ним делать — просто везли в операционную, давали наркоз и оперировали. После он очухивался и по свежим бинтам определял — ага, левую руку и ногу сегодня резали. Ничего не поделать, огромная военная машина в действии, конвейер жизни, лежи и не хрюкай, врачам виднее, вылечат.

Хавчик в госпитале был вкусный, от пуза. Через каждые полчаса в палату заглядывала голова волонтера и интересовалась:

— Пацаны! Можёнадо?

С этим явлением — волонтеры, ещё предстоит разобраться российским социологам. Сотни людей — мужчин и женщин, после работы и на выходных приходили в госпиталь и говорили: «Бу-

дем делать что скажете!» Находили им, конечно, работу, самую что ни на есть грязную и тяжёлую, госпиталь же. А они и рады! Притащили Женьке телефон, новые трусы, кроссворды, позвонили сыну, номер сказали, фотку послали...

Так и вылечили Женьку в итоге. Но вот левая нога у него теперь не сгибалась до конца, хромал. Хорошо хоть её вообще не оттапали, голая же кость была, вообще без кожи и мяса. Да ничего, с палкой ходить нормально.

Комиссовали Женьку с военной службы с инвалидностью по ранению, и поехал он домой. Уже знал, что ждут его дома, а это очень сильно грело душу. Бывшая жена Наташа и сын Юра, которых он давно уже потерял за постоянной пьянкой, каждый день звонили, пока раненый лежал, поддерживали, и вообще опять они у него появились. Даже брат сподобился выйти на связь.

Сначала Женька по телефону всё больше молчал, кончик языка срезан был осколком, и зубы выбиты, трудно было говорить, шепелявил. Но потом, как немного зажило, разболтался. Милое дело со своими поболтать вволю, когда лежишь и делать ну совсем нечего.

Дома Женька получил кучу денег и всевозможные льготы от Родины. Всё по-честному, контракт! В квартире чисто, родные без него ремонт сделали, долги за коммуналку погасили. Жена и сын радовались, что выжил, но в глазах тревога, как бы опять пить не начал... Без денег пил, а уж с деньгами... Даже предупредили, если опять начнёт, то они встанут и уйдут, как тогда, а так — с ним будут!

И зря волновались, полгода перерыва в употреблении водки результат дали. Даже теперь и без курева. Аж мутило теперь Женьку от табачного дыма, если кто-то рядом курил!

Катарсис опять же у него случился, было время полежать и подумать. Всю душу вывернуло наизнанку... Но об этом никому знать не нужно, слишком уж это всё интимное и только его. А потому что он очень хорошо запомнил тот разговор, который слышал тогда, лёжа в донецком морге рядом с убиенными бойцами и невесть откуда взявшимися огромными литыми воротами, которые стояли посреди мрачного ничто, и за ними он отчётливо видел огненные сполохи:

— Эва, Мамонка, бельзевуб адов, бревнишком ты по микитке! Сызнова из-под хвоста выкусываешь на шуцпункте?! Вот сих, эфрэйторов, давай отседова взад выпихивай. Их мамаша прошения за них подавала в Небесную канцелярию. Удо-

влетворено! Декретировали, штобо не за грехи ихние детушек обихаживали, как навоюются.

Н-да, редко, но бывает, когда по горячей материнской молитве возвращают детей к жизни с Того Света. Вот и его, видимо, мама Аня отмолила, и пренебрегать этим ни в коем случае нельзя... Так ему объяснил знакомый батюшка, который её отпевал перед кладбищем. У них в «Яме» так испокон века, покойники дома ночуют, не в морге, и священники по квартирам ходят.

Дома сидеть Женька не стал, а сразу пошёл работать охранником в свою школу, благо что она от него через два дома. Новые, вернее, давно забытые ощущения, когда вокруг много детей, звонки, уроки... Прямо захлестнули эмоции! Эх-х, вернуться бы в то время, когда он сам был школьником, ни на что бы его сейчас не променял.

Были, конечно, заходы — за встречу, за праздник, то сё... Но он не повёлся, его дома ждали, сейчас там у него были все праздники, но уже без водки.

А через пару месяцев директриса сама ему предложила завхозом. Он и согласился! Это работа по нему — ремонт, мебель, освещение, отопление, инвентарь. И теперь он с утра до вечера был занят — руководил, проверял, организовывал, выдавал, принимал и обеспечивал.

Хлопотная должность выпала Женьке. Да теперь он и не Женька вовсе, а Евгений Михайлович, ветеран СВО, все его в школе знали и уважали. А потому что справедливый и не греб под себя. А

ему это и не нужно, всё у него теперь было, любимая семья, ухоженная квартира, денег полно...

Неоднократно звали его школьники на торжественные мероприятия и просто встречи, рассказать про СВО, но он не соглашался, нечего ему было им рассказывать. Вот как всё закончится, говорил, тогда и придёт.

Сына Юру проводили с Наташей на срочную службу, на год, мотострелком в Екатеринбург. Их, срочников, Слава Богу, на войну не посылают, он знал, и правильно, нечего там пацанам делать.

Может, ещё сходят с Наташей в загс, распишутся по новой, раз уж опять начали жить вместе. Надо ей предложить, а он только «за», третьей жизни ведь уже не будет.

Михаил Михайлович ВОСТРИКОВ

родился в 1961 г. в Новосибирске.

Автор монографии-учебника и множества научных публикаций.

Кандидат технических наук.

Победитель III сезона Международного литературного конкурса «Есть только музыка одна» памяти

Дмитрия Симонова,

с книгой «Вот такая, блин, музыка...»

о кабацких и музыкантах танцплощадок

Новосибирска 70-80-х годов.

Живёт в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

